

Множественные тела, множественные тексты

АНГЕЛИНА БАЕВА

Аспирантка, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).
Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4. E-mail: a-baeva93@mail.ru.

ПОЛИНА ХАНОВА

Тьютор, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ). Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4. E-mail: linakhanova@gmail.com.

Ключевые слова: Аннмари Мол; онтология; социальная эпистемология; текстуальные практики; тело; объект.

Статья посвящена рассмотрению телесных и текстуальных практик в социальной эпистемологии Аннмари Мол. На основе этнографии практик медицинского сообщества в отдельно взятой больнице Мол выстраивает новую онтологию объекта, смещающую акцент с противопоставления между репрезентацией и конструированием на практики производства. Представленная Мол «онтология-в-практике» сконцентрирована не на том, что есть объект, но на том, что с этим объектом делается и что его делает, собственно, объектом. Именно поэтому Мол интересуется не множеством точек зрения на тело и заболевания, а множество практик, в которых производится исследовательский множественный объект. Будучи собранным и соединенным благодаря множеству практик, этот объект оказывается больше, чем одной сущностью: на передний план выходит множествен-

ность его осуществлений и способов их координации.

Одновременно с этим исследование Мол по социальной эпистемологии само по себе становится вкладом в конструирование множественного объекта исследования. Поле социальной эпистемологии — это поле не только множественных объектов, но и множественных текстов. Самоочевидность объектности объекта подрывается жестом диахронического анализа синхронического среза. Текст Мол не только и не столько о социальной теории или о политиках различия нормы/патологии или объекта/метода (хотя и о них тоже), сколько о политиках академического текста как такового: политиках написания, публикации, чтения, цитирования. И необычная материальная организация этого текста играет существенную роль в данной текстуальной практике, которую мы переносим и в наш текст.

Аннамари Мол. Множественное тело. Онтология в медицинской практике / Пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. — 254 с.

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ исследования с того, что *есть* объект, на то, что его *делает* объектом, превращает эпистемологию в ее традиционном понимании (как традиции, пытавшейся артикулировать отношение между познающим субъектом и объектом познания) в эпистемологию, ориентированную на этнографические исследования, — эпистемологию как практику, которая интересуется уже не репрезентацией объекта, а его осуществлением и сама вносит вклад в осуществление некоторого объекта. Этнографический подход к исследованию практик имеет дело со знанием, вписанным в действия, процедуры, инстру-

Как может исследование по эпистемологии и онтологии само стать вкладом в конструирование объекта исследования? Это второй, параллельный, подземный вопрос книги Мол. Деррида отмечал¹ политическую окрашенность топологии страницы: сноски, расположенная внизу, предполагает властное отношение между текстом, расположенным выше, и текстом сноски. Текст аннотированный или ком-

ментированный, особенно когда он аннотирован или комментирован самим автором, позволяет ставить вопросы о своей собственной двойственной природе в практическом ключе: «Два текста, две руки, два взгляда, два выслушивания. Вместе и одновременно раздельно»². Это властное иерархическое отношение, разбивающее пространство книги на «тему» и «вариации», ставит разговор об отношении дан-

1. Derrida J. This Is Not An Oral Footnote // Annotation and Its Texts / S. A. Barney (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 1991. P. 193.

2. Деррида Ж. Ousia и gramme. Примечание к одному примечанию из Sein und Zeit // Поля философии. М.: Академический проект, 2012. С. 92.

менты и т.д. Объекты, в свою очередь, не сводятся просто к тому, что подлежит репрезентации или является конструкцией. Чем они являются — это вопрос, которому посвящена книга Аннмари Мол «Множественное тело. Онтология в медицинской практике».

В книге Мол речь идет не о том, как медицина знает свои объекты, а о том, как она их приводит в действие. Говорится о практиках, которые приходят на смену познанию в условиях размывания границ между словами и вещами, понятиями и объектами. По словам самого автора, книга о том, как медицина обращается с телом и заболеванием: не познает свои объекты, а приспосабливается к ним. Другими словами, как медицина *осуществляет* объекты, с которыми имеет дело. Именно поэтому Мол интересуют не точки зрения на тело и его заболевания, а множество практик, в которых производится объект исследования: *что-то* делается — «разрезается, окрашивается, зондируется, обсуждается, измеряется, подсчитывается, отрезается, компенсируется ходьбой или предотвращается» (21). При этом Мол делает оговорку: «делается» не значит «создается» или «конструируется». Болезнь «исполняется» (*performed*): объект, собранный и соединенный, сам себя представляет как целое, будучи множественным, но сохраняющим связность. Это *что-то* в каждом своем осуществлении — не полностью одно и то же: то, с чем имеет дело врач, — не совсем то же самое, с чем к нему приходит пациент. Тело и болезнь последнего препарируются и конструируются прежде всего определенной медицинской

ного текста с другими текстами, разворачивающийся в нижней части страниц книги Мол, в кажущееся вторичным положение, как если бы это был вторичный комментарий, сноски (которые все равно никто не читает). Познаваемые объекты — это объекты, о которых исследователь может публиковать тексты (68), поэтому ввязаться в спор об объекте исследования социальной эпистемологии — значит ввязаться в самую гущу переделья территории между так называемыми естественными и социальными науками. В этом столк-

новении первые экспансивно превращают все (включая людей) в объекты, а вторые не видят то, что не могут антропоморфизировать, то, что не обладает голосом (даже сам Латур, государь сетей, демонстрирует местами этот перекося: он пытается заставить вещи говорить в парламенте вещей, не считаясь с тем, что, возможно, двери и морские гребешки вовсе не испытывают желания с ним разговаривать), — в пределе то, что не может публиковать тексты.

Одна из причин, по которым исследуемые Мол практики

оптикой. Это отодвигает нас от эпистемологии в том смысле, в каком она подразумевает репрезентацию реальности. Теперь знание начинает рассматриваться не как набор референций, а как набор практик. Если ранее эпистемология имела дело с референцией и заботилась о поиске наиболее достоверной и точной репрезентации реальности, то рассмотрение объекта как места скрещения множества практик помещает нас в условия, когда объект, приводимый ими в действие, оказывается более чем одной сущностью. Происходит отказ от понимания объекта как совокупности точек зрения на него, и на передний план выходят множественность осуществлений этой реальности и способы их координации. Практики, выходя на первый план, множат как реальность, так и сам объект. Вопрос уже не в том, какова истина объекта, а в том, как с объектами обращаются практически.

Постановка эпистемологического вопроса как исследования отношений между объектами, которые *делаются*, требует этнографической методологии. Это превращает и саму эпистемологию в определенную практику. Если (из этого предположения Мол исходит) практики и осуществления в них объекта множественны, то вопрос в следующем: как координируются эти различные осуществления множественного объекта, что, собственно, позволяет продолжать считать объект одним объектом? Для Мол парадигмальным примером такого рода практики и предметом ее собственного рассмотрения становится атеросклероз, точнее, те различные практики,

не оказывались в поле зрения классической эпистемологии, в том, что эти они не порождают текстов. Врач записывает ту часть жалоб пациента, которая работает в его (врача) механизме осуществления атеросклероза, но не то, что пациент говорит, а пациент зачастую говорит не то, что чувствует (а то, например, что врач, по мнению пациента, ожидает услышать). Ангиографические снимки, диагоны, история стираются, когда принято решение: «Обстр. бедр. арт. лев.; шунт. под колено» (215). Виртуальный объект, дистилли-

рованный из множества очень разнородных практик, производится еще одной практикой — записью. И практика записи самого текста Мол играет не меньшую роль, чем аббревиатуры исследуемых ею субъектов. В связи с этим вопрос о том, как не сделать свой текст очередной редукцией, очередной аббревиатурой, становится не просто второй темой книги — он порождает также и ее структуру, и ее собственную топологию. Как написать текст и не выстроить очередную гегемонию смысла? Встроить в него механизм

в которых он осуществляется, и проявления, в которых он находит выражение: от перемежающейся хромоты у пациента до утолщенной интимы сосуда под микроскопом лаборанта. Атеросклероз как множественный исследовательский объект — это больше чем одна сущность: в разных практиках этим названием будут обозначаться различные вещи, но это не части атеросклероза, из которых он собирается в единый объект. Каждая из этих различных вещей и есть сам атеросклероз, полный, законченный объект без недостатков, но каждый раз разный. Физиологическая сущность (бляшка кровеносного сосуда) и «недуг» (атеросклероз) — это не одно и то же в прямом смысле слова. В разных местах осуществляются разные атеросклерозы. Но это не значит, что объект распадается на отдельные части: его единственность достигается в результате координации. Диагностируемый атеросклероз и атеросклероз, осуществляемый во время операции, — это один и тот же атеросклероз, но его реальность не единична, а множественна: он и то и другое, но не всё вместе. И ключевым здесь становится распределение в пространстве: «В повседневной больничной практике артерии и пациенты не находятся в транзитивном отношении, а распределены по разным местам. Пациент говорит в поликлинике, а артерия осуществляется в качестве отклоняющейся сущности в отделении рентгенологии. Или: сначала пациент говорит, потом лечатся артерии. Таким образом, реальность отклоняющихся артерий находится не *внутри*, а *рядом* с больными пациентами» (169).

самоподрыва (Деррида был большим специалистом в таких приемах, и, возможно, именно к его «Тимпану» можно было бы возвести двухъярусность текста Мол — две части, которые не просто дополняют друг друга, но, будучи самостоятельными цельными текстами, догоняют и обгоняют, комментируют друг друга, оставляя читателя в сомнении, какой текст он должен читать). «Решающий философский вопрос относительно реальности звучал так: „Как нам удостовериться?“ Теперь же, после поворота к практике, мы

сталкиваемся с другим вопросом: „Как жить с сомнением?“» (219–220). Мол подрывает самоочевидную линейную структуру текста, заставляя читателя «жить с сомнением» в качестве рутинной практики. Множественность ее объекта (тела или заболевания) параллельна множественности текста, в котором она выписывается: сначала спрашиваешь себя, почему этих текстов два, но, углубляясь, начинаешь спрашивать уже, почему их всего два.

Другой способ подрвать самоочевидность объектности

Рядом в буквальном смысле: в лаборатории по соседству с приемным кабинетом или в другом здании, где проводится операция. Но это не означает, что оптика хирурга, проводящего операцию, редуцирует пациентов к сосудам. Во время операции возможно переключение между реальностями: врач может работать с артериями, а может говорить о пациенте, который больше, чем его тело, — член семьи, друг, приятный собеседник и т. д. Артерия и личность не связаны друг с другом как часть и целое — они находятся *рядом* друг с другом. Соответственно, объекты различаются пространственно-временным масштабом, а не онтологическим³. В условиях распространения воплощенного знания не только на тела, но и на другие объекты происходит переход от разговора о познании субъектом объекта к разговору об осуществлении реальности в практике.

В такой исследовательской парадигме к множественному объекту не может быть применена эпистемологическая нормативность, предписывающая ему определенную заданную реальность. Здесь нужна нормативность другого рода — этнографическая, для которой реальность будет лишь частью практик. Реальность не предшествует практикам, как может показаться на первый взгляд. «Сначала практики одновременно производят утверждения о реалиях и сами реалии, которые они описывают; затем, когда модальности исчезают, реалии внезапно оказываются причинами этих утверждений. <...> Реалии не объясняются практиками и убеждениями, а производятся в них. Они производятся и живут в отношениях»⁴.

объекта — дать ему историю. Нетрудно заметить, что в «верхней» части текста Мол истории почти нет, что она сама охотно признает: в историческом смысле это «синхронический» анализ, в котором ничего не происходит, «нет *сдвига*» (175). Но эта горизонтальность обманута вертикальным структурированием материального объекта — книжной страницы, — делегирующим вниз, в бесконечную сноску,

не меньшее по объему диахроническое исследование текстов, в котором происходит целая серия сдвигов: от конструирования через исполнение к осуществлению, от противоречия к напряжению, от нормативности врача к нормативности пациента, от вопроса «Где у вас болит?» к вопросу «В чем у вас проблема?» и т. д. Так что «сиюминутность» исследования Мол, как бы в одной вспышке выхва-

3. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 35–56.

4. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 127.

В таком случае «онтология не дана в порядке вещей, напротив, онтологии возникают, воспроизводятся и исчезают в обычных повседневных социоматериальных практиках. К ним относятся и медицинские практики» (36). Долгое время «заболевание» было биомедицинской категорией, но социальная оптика позволила увидеть в нем нечто большее, не сводимое к физическим аспектам. Однако Мол делает еще один шаг, и предметом ее этнографического исследования в конечном счете становится уже само «заболевание» в его практическом воплощении. Медицина осуществляет свои объекты в различных практиках. Объекты, став видимыми и различимыми, задают специфическую исследовательскую область онтологического релятивизма, для которого «существовать» — значит быть осуществленным. Этнографический подход позволяет Мол вывести на поверхность область практик, создающую множественность объекта, который в разных местах и при разных условиях, будучи различным, всегда есть «одно и то же» целиком, будучи частью того, что делается в практике: это и беседа врача с пациентом, и обследование, и бумажная работа, и страховая система, выводящие с разных сторон на поверхность то, что не было различимо в качестве заболевания. В этой практике делания болезни много разнородных элементов, каждый из которых вносит свой вклад в медицинские вмешательства, технологии, формы познания.

В таком случае и вопрос эпистемологического анализа должен быть поставлен иначе: речь должна идти уже не о стремлении к ис-

тывающая состояние сети медицинских практик — пациентов, сосудов, рентгенограмм, грантов, лекарств, — является в некотором смысле обманкой, поверхностью, под которой разворачивается история. «В терминах такого письма главный сюжет — это карта или чертеж концентрации сюжетных дыр (других сюжетов). Каждая дыра — след, оставленный как минимум еще одним сюжетом, крадущимся ниже»⁵ (здесь это значит буквально ниже, внизу страницы).

Если разговор в верхней, гегемонической, «главной» части страницы идет с врачами, пациентами, рентгенограммами и анализами, то в нижней части страницы ведется разговор текста Мол с другими текстами по социальной теории, социологии и эпистемологии, с Эмилем Дюркгеймом, Жоржем Кангилем, Мишелем Фуко, Бруно Латуром, Джоном Ло. Это разговор не только и не столько о социальной теории или о политиках различия нормы/патологии или

5. Negarestani R. *Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials*. Melbourne: re.press, 2008. P. 61.

тине, а о целесообразности множественных осуществлений. А говорить о целесообразности — значит теоретизировать об *онтологической политике* медицины: «если реальность множественна, то она и политична» (36). Речь идет о политике, «имеющей дело с тем, как формулируются проблемы, как формируются тела и как жизни тянутся или подталкиваются к тому, чтобы принять ту или иную форму» (22). Политика, впрочем, не является для Мол какой-то отдельной областью, которую можно «отделять» или «не отделять» от науки (161): политика здесь — один из способов обращения с различиями, пространственными распределениями. Онтология оказывается пространственно локализованной и практически осуществляемой. Объект не существует до того, как стал «виден». Он не существует сам по себе. Его осуществление возможно благодаря практикам и другим связанным с ним объектам. Он остается объектом, пока сохраняет устойчивую связность с другими объектами внутри сети отношений. «Неизменные мобильности» сетей (в том смысле, в каком это выражение вводит в оборот Бруно Латур) выступают условием единства и неизменности объекта внутри сети и его перемещений в пространстве. Пространства создаются с использованием объектов. Они не даны порядком вещей: пространство, как и сети, производится. Этот тезис можно усилить: пространство производится в практиках. Производя и устанавливая отношения между объектами и условия их возможности, пространственные системы устанавливают определенные за-

объекта/метода (хотя и о них тоже), сколько о политиках академического текста как такового: политиках написания, публикации, чтения, цитирования. Текст, выстраивающий продуктивное отношение к самому себе: «Но кто помещает в текст идею, чтобы затем снова извлечь ее, теперь уже в виде цитаты?» (80). Мол так делает, потому что понимает, что текст не исключает из себя автора, но, будучи опубликован, начинает жить собственной жизнью в определенном поле как симптом, продукт или элемент некого про-

цесса — объект среди тех объектов, которые *осуществляются*.

Мы читаем Мол, читающую Джона Ло, читающего Фуко: «...мы должны исследовать, как они [дискурсы] осуществляют-ся, воплощаются и проговариваются в различных материалах» (109). «Материалы» — это слово всплывает у Мол снова и снова: «...из каких материалов (и какого социального) они [стороны различия] сделаны?» (162). Как исследовать, из каких материалов сделаны собственные различия исследующего? Согласно Мол, практически; бо-

преты и проводят различия, то есть производят онтологическую политику⁶. Быть связанным — вот о каком способе существования говорит онтология множественного объекта. Праксиографический способ описания локализует объект в конкретной практике и связанной с ней реальности. Это значит, что объект не просто *есть*, но всегда есть *где-то*. При этом отношения между объектами не скрыты в порядке вещей, а осуществляются. Объекты практикуются «где-то», а это значит, что, с одной стороны, их производство имеет пространственные следствия, а с другой — их использование само создает пространственные условия возможности. «Пространственности порождаются и приводятся в действие расположенными в них объектами — именно этим определяются границы возможного»⁷. Кроме того, объекты и пространственные условия находятся в напряженных условиях, но результатом этой напряженности и переключения между разными пространственными возможностями как раз и становится *объектность*. «Онтология-в-практике» возникает там, где объекты не столько согласовываются между собой, сколько связаны во множественном единстве.

Вследствие такого праксиографического сдвига, когда знание не описывает реальность, а принимает участие в ней, онтологический вопрос будет состоять в том, чтобы понять, что делается, а не что реально. В таком случае и сама онтология-в-практике множественного объекта будет множественной: нет никакой фиксированной системы отсчета для установления отношений между

лее того, экспериментально, то есть написав и опубликовав некий научный текст. Различия внутри этого текста делаются из бумаги, а также из положения исследователя на границе между эмпирией и онтологией, из странных отношений цитирующего и цитируемого: должен ли исследователь-эмпирик ссылаться на своих предшественников, и если должен, то каким образом — только ли в вопросах методологии или

в отношении опорных понятий и своих концептуальных объектов? Эти различия делаются из сложных сетей долга и предательства, связывающих автора с предшественниками (см. «страх влияния», хорошо описанный Гарольдом Блумом через фрейдистскую рамку, — он писал о поэтах, но кто из академических исследователей, хоть раз сталкивавшихся с формальным требованием «новизны», не узнает в его героях себя?),

6. *Он же*. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5.

№ 1. С. 30–42.

7. Там же. С. 31.

объектами. Эти формообразующие отношения и есть те отношения, которые обнаруживаются между практиками. Объекты, которые осуществляются, соотносятся друг с другом скорее напоdobие страниц в книге, нежели как блоки в пирамиде (210–211). В таком случае и достоверность будет достигаться не через соответствие знания своему объекту, а через выбор наиболее хорошей практики. Место истины занимает категория *блага*. «Или скорее не благо, как если бы была всего одна его версия, а *блага*. Если мы принимаем, что онтология множественна, а реальность оставляет нас с сомнениями, то тем более настоятельным становится внимание к модусам и методам поиска, пренебрежения, прославления, борьбы и прочего проживания *блага* в том или ином его обличии» (220).

Вопрос *блага* — того, что будет хорошо для пациента, — один из ключевых в медицинской практике: *кто* должен решать, что хорошо для пациента и *что* делать в целях реализации идеи *блага*. «Политика-что» занимается различиями между разными осуществлениями конкретного заболевания, которые, в свою очередь, приводят к разным онтологиям. Эти множественные онтологии, каждая по-своему, *делают* множественное тело, с одной стороны, и благо — с другой. Онтология оказывается тесно переплетенной с этикой. И «политика-что» с ее множественными объектами и практиками оказывается в приоритете перед «политикой-кто» в вопросах о том, как и что *делать*.

и в конечном счете из пространства страницы, которое «предъявляется», то есть выходит из хинтерланда (термин Джона Ло⁸) по мере того, как этот текст вступает в конфликт с собственной неизбежной линейностью и в заговор со своими «анонимными материалами»: от анонимной больницы Z до бумаги, на которой он напечатан. Внутренняя «политика-что» этого текста тоже изготавливает свою частную онтологию объекта, в котором, например, сноска

уже не является чем-то вынесенным из пространства основного текста — она выходит из тени и периодически даже перехватывает «первый голос» у основной страницы; отсылка к другим исследованиям выходит из сетей долга/предательства и превращается в непрерывную самопроблематизирующую игру и т.д. Мол, предъявляя свою этнографию медицинских практик, пытается проводить одновременно и самоэтнографию исследовательских текстов.

8. См.: Ло Дж. После метода. С. 62 слл.

Библиография

- Мол А. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
- Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 35–56.
- Деррида Ж. Ousia и gramme. Примечание к одному примечанию из “Sein und Zeit” // Он же. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. С. 52–94.
- Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.
- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Derrida J. This Is Not An Oral Footnote // Annotation and Its Texts / S. A. Barney (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 1991. P. 192–205.
- Negarestani R. Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials. Melbourne: re.press, 2008.

MULTIPLE BODIES, MULTIPLE TEXTS

ANGELINA BAEVA. Postgraduate student, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, a-baeva93@mail.ru.

POLINA KHANOVA. Tutor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, linakhanova@gmail.com.

Lomonosov Moscow State University (MSU), 27 Lomonosovsky ave., Bldg 4, GSP-1, 119991 Moscow, Russia.

Keywords: Annemarie Mol; ontology; social epistemology; textual practice; bodies; objects.

The paper concerns the bodily and textual practices in the social epistemology of Annemarie Mol as presented in her book *The Body Multiple*. From her ethnography of medical practices in hospital Z, Mol derives a new ontology of objects that changes the emphasis from the opposition of representation and construction to the practices of production and performance. "Ontology in practice" as presented by Mol concentrates on what is done to the object and what exactly makes it an object, rather than determining what the object *is*. Her study therefore does not deal with the multiplicity of ways to view the body and illness; it deals instead with the multiplicity of practices which generate the multifaceted object of research. Constructed and put together by a variety of practices, this object is always more than one thing: it prominently features the multiplicity of its enactments and the ways of coordinating them.

At the same time, Mol's study deals with social epistemology itself and also makes a contribution to construction of another multifaceted object of research. The field of social epistemology is not just a field of multifaceted objects, but also of multifaceted texts. The seemingly self-evident objectivity of an object is undermined by the diachronic analysis in Mol's synchronic text. It concerns more than the politics of the normal/pathological distinction or the object/method distinction (although it does handle these). It mostly deals with the practice of academic texts *per se*: the politics of writing, publishing, reading, citation, etc. The unusual material construction of this text plays an essential role in its textual practice, which also carries over to the text of the paper.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-5-287-297

References

- Delanda M. Novaia ontologiya dlia sotsial'nykh nauk [A New Ontology for the Social Sciences]. *Logos. Filosofovsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2017, vol. 27, no. 3. S. 35–56.
- Derrida J. Ousia i gramme. Primechanie k odnomu primechaniyu iz "Sein und Zeit" [Ousia et gramme: Note sur une note de Sein und Zeit]. *Polia filosofii* [Marges de la philosophie], Moscow, Akademicheskii proekt, 2012, pp. 52–94.
- Derrida J. This Is Not An Oral Footnote. *Annotation and Its Texts* (ed. S. A. Barney), New York, Oxford University Press, 1991, pp. 192–205.
- Law J. Ob"ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2006, vol. 5, no. 1, pp. 30–42.
- Law J. *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015.
- Mol A. *Mnozhestvennoe telo. Ontologiya v meditsinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice], Perm, Hyle Press, 2017.
- Negarestani R. *Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials*, Melbourne, re.press, 2008.